

«Держусь, как Брест»

Памяти друга

Он был мягок, чист и честен. Кто не откликнулся столь верно и жол вовемя. На каждую самую малозаметную публикацию друзей следовал его поддерживающий звонок. Тихий голос был родным.

Начинающие поэты, замордованные поучениями «классиков», дивились доброму слову Ерёмкина. Он говорил с молодыми без наставлений, не искал в их рукописи минусов, подчёркивал плюсы. Сколь это окрыляло неопытных!

Я знаю истинную цену
Людей, идущих мне на смену.
Стремленья и заботы их
Я на себе давно постиг.
Передавая им свой крест,
Я до конца держусь,
как Брест.

Вадиму Геннадиевичу в своё время сполна досталось от наставителей — то «идеи» мало, то «позиции». Уж поэзу свою эти наставители всегда знали... И посему очень косились на жёсткий слог Ерёмкина.

Его афористичные строки и сейчас пугают болотистых приживал поэзии, его рифмы колют их, как остинки, попавшие под шлею штатного галстука на раскормленном заливке.

Не верь художникам, пригретым
Холёной барскою рукой;
Верь тем, которые

«с приветом»,

Живут неведомо на кой...

Зато уж для детей Вадим писал нежно и забавно. Он неизменно был самым желанным гостем школьных читательских встреч. Читал свои стихи весело, под искристый юный смех. Его книги остаются на самых видных стеллажах всех детских библиотек Орловщины.

Пока эти книги живы, Ерёмкин не уйдёт. Он был — и есть.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Красота спасала мир

* * *

Красота спасала мир,
Действуя умело.
Рисовала царский пир
Крупного размера.

Рисовала города,
Веги и эпохи,
Привлекая взгляд туда,
Где дела неплохи.

Красота спасала мир,
Действуя, как надо.
А народ её кормил,
Чтоб не знала спада.

Из нашей истории

Брошенная палека,
Бывшие сады.
Здесь убили классика
Из-за бороды.

Борода неистово
Отравляла взгляд.
Расстреляли «мистера»,
Долго ищут клад.

Ничего не найдено,
Да и не найдут.
А убийца-гадина
Снова тут как тут.

Из жизни художников

Мастерская — никакая,
Просто кабинет.
Если кто-то ищет Кая,
Кая больше нет.

Укатил навек из края
Непутёвый Кай.
А мы всё сидим, икая,
Как ни отвлекая.

На листах его малюем,
Пишем ад и рай.
После дарим их Манюням,
Как дарил их Кай.

Гость

Вечер, взрывной и холодный,
Проковылял по тропе
В гости к актрисе народной,
Малоизвестной в толпе.

В центре музейного зала
Гостя хозяйка ждала.
Щурясь, чуть-чуть повязала,
Коврик цветной потрясла.

Стала прикидывать планы
По воспитанью детей
Вплоть до их вылета в Канны
На самолете «Антей».

С мокрым букетом из листьев
Гость, поклонившись, вошел,
Но оказался заботлив
И растворился у штор.

Долго артистка жалела,
Что пригласила его.
Но лишь за шторой стёмнело —
И от души отлегло.

Мой земляк

Его надежда ранит,
Как старого коня.
А за спиной — ранец,
Защитная броня.

Текут его недели
Неведомо куда.
Соседи приодели
(Спасибо, господа!).

Пожок лицом и вправду
На старого коня.
Я рядышком присяду
Как бывшая родня.

Судьба актёра

Глаза подрисованы тушью,
Не точно он их прочертил.
Всю жизнь занимается чушью
Не знающих сноса сатир.

Порой пробивается юмор,
Как молодая трава.
Присел возле сцены и умер,
Репризу придумав сперва.

Время моё вышло...

Время моё вышло,
Вышло! А куда?
Перезрела вишня,
В Киеве — вражда.

Выйду вслед за ним я.
Выйду! А куда?
Удивлюсь для виду,
Что уже среда.

Время моё вышло.
Вышло! И пускай!
Если что и слышно,
Уши затыкай...

Просветы

Истории просветы,
После которых — тьма,
Немногими воспеты
И втиснуты в тома.

Там целы все детали,
И многие сплелись.
Да вы про них читали,
Пока не родились.

* * *

Плывут по небу бывшие
Подруги и друзья;
Плывут, сердца разбившие,
Над вечностью скользят.

Прибавили в количестве
За пять последних лет.
Зато такие личности,
Каких уж больше нет.

Вернулся

Вернулся с Марса.
В доме — пустота.
Утюг сломался,
Залита плита.

Ключи в прихожей
Брошены как зря.
А образ Божий
Спёрли слесаря.

Собрав все силы,
Выдраил полы...
На Марсе сливы
Сделались кислы.

* * *

Когда-нибудь придёт рассвет,
А нас уже на свете нет.
Смело нас жизненной волной,
Как говорится, в мир иной.

Стоят дома. Цветут сады.
Шумят ветра на все лады.
Соседи медленно встают
И нас в толпе не узнают.

Русалка

Достал со дна русалку,
В квартиру приволок.
А через день кусалку
Швырнул под потолок.

Русалка отлежалась
И к морю поползла,
Притворно вызвав жалость,
Попавшись на глаза.

На даче

Специалист по правке
Чужих стихов и нот
Полеживал на травке,
Посматривал в блокнот.

Из дома гости вышли,
Ребенок забасил.
И вдруг поперли вирши
Свои, что было сил.

Солнечный день

А я вот не по солнечной,
А я по теневой.
И сам себе: «Не скромничай,
Советский рядовой».

А я вот не по солнечной,
А я по теневой.
И сам себе: «Не подличай,
Пока есть путь кривой».